

НАТАЛЬЯ БЛУДИЛИНА

СТРАХ ЖИЗНИ И “УЖАС” ЛИТЕРАТУРЫ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

“Многознание не научает уму” – стародавняя истина, которая звучит свежо и отрезвляюще в нашей изнурительной гонке за интеллектуальной всеядностью и информационной пресыщенностью.

Мы знаем слишком много, чтобы можно было назвать это действительным знанием, побуждающим к благим поступкам.

Как добраться до ясных и отчетливых истин, выбравшись из лабиринта взаимоисключающих утверждений, концепций, “философий”?

Необходимо превратить “осведомленность” о бесконечном множестве самых разнообразных вещей в подлинное знание о том немногом, без чего невозможно жить.

Это знание о жизни, взятой в ее нравственном измерении, всегда нам давала русская художественная литература. Описание жизни, постигнутой сквозь призму *абсолютного различия добра и зла* – этого ждали мы, читатели, от лучших наших писателей.

Классическая русская литература – классика нравственного мышления, в ней концентрировался нравственный опыт народа. Без познания этого духовного опыта творчество неизбежно оказывается беспочвенным, легковесным – интеллектуально-эстетической игрой, не имеющей никакого отношения к реальной жизни, которая всегда погружена в нравственную субстанцию народа. Традиция – нерв, животворная душа настоящей литературы.

То, что с “традицией” надо обращаться бережно – ясно, но, увы, не всем.

Наши русские гении были щедры на крылатые выражения. Но они никак не могли предвидеть, что их потомки извратят их суть и попользуются ими “себе на славу”. “Красота спасет мир” – ни одна из фраз не была испоганена массмедиа до последней степени; где только она ни звучала: и при показе очередного конкурса “красоты”, и при рекламе нижнего дамского белья и прочей галантереи. Откуда такая страсть к опошлению? “Тело духовно. Художество – суррогат. Красота выше художества”, – разъясняет “непосвященным” в тонкости масскультуры либеральный критик Виктор Галантер. Ясная до идиотизма точка зрения: слегка олитературенное – и оттого особенно прошлое – оголение “телесного низа” в духе передачи “Про это”.

“Господа, князь утверждает, что мир спасет красота! А я утверждаю, что у него оттого такие игривые мысли, что он теперь влюблен”. Нет сомнений, что многие из делателей “вещественной культуры” не только не читали,

но и в руках не держали роман Ф. М. Достоевского “Идиот”, а то можно подумать, что все они доверились юноше Ипполиту, увидевшему в словах князя Мышкина одну лишь “игривость”.

Но внимательно ли читали “нашего национального святого” почтенные литераторы, или они также заметили в этом афоризме одну лишь “игривость”, предлагая (в шутку или всерьез?) “спасать мир” протестными стихами Витухновской, напоминающими наркотический бред; романом Мамлеева “Блуждающее время”, который характеризуют не иначе как “манифест разумного убийства”, и Вл. Сорокина “Лед” – сие “творение” необходимо “читать” с закрытыми глазами, чтобы “успешно пройти и не заметить матерных слов” ради некой метафизики, напоминающей примитивные американские саги о спасении человечества.

Позвольте напомнить слова русского классика. “Что же спасет мир? Красота”, – сказал сам Достоевский в черновиках “Подростка”, добавив: “Устоит ли Россия...”. И в набросках “Дневника писателя” читаем: “Прекрасное в идеале недостижимо по чрезвычайной силе и глубине запроса... Идеал дал Христос. Литература красоты одна лишь спасет”. Красота – как идеал, данный Христом. Литература – как то, что озаренно именно этим идеалом, который способен спасти целый мир. Но есть и предостережение писателя “творцам красоты”, вложенное в уста Дмитрия Карамазова: “Красота – это страшная и ужасная вещь! Страшная, потому что неопределимая, а определить нельзя, потому что Бог задал одни загадки... Тут дьявол с Богом борется, а поле битвы – сердца людей”.

Можно, конечно, с бесстрашной брезгливостью судить художественный мир за эстетические взгляды и решительно отодвигать любые этические доводы. Например, космополиту Набокову решительно не было никакого дела до общественных истин и чьих-либо чаяний. Он призывал литературную критику отложить “вовсе свои социологические, религиозные, философские и прочие пособия, лишь помогающие бездарности уважать самое себя”. Позиция абсолютной свободы творца? Но есть аксиома теории литературы, заповеданная нам еще Аристотелем – калокагатия (красота и добро) – эстетическое и этическое в искусстве неразделимы, как форма неотделима от содержания.

Когда речь идет о гибели мира и средствах его спасения, тут не до творческой “игривости”. Глубокая осмысленность нравственной позиции писателя и содержательная серьезность его произведений, то что Достоевский однажды назвал “реализмом действительной жизни”, становится определяющим в искусстве.

Слово в России всегда было слишком сильным формообразующим фактором, оно воспринималось слишком всерьез – исконно существовал культ простоты, подлинности, честности слова. От русских писателей всегда ждали всех истин сразу – и эстетических, и религиозных, и философских, и нравственных, и даже научных. Это принципиально отличало нас от Запада, где писатель – чаще беллетрист и ничего более (хотя бывало, и на Западе голос писателя становился общественно значимым, но этот голос никогда не претендовал на формирование души человека или его мировоззрения, ограничиваясь эстетическими функциями художника).

Нас сизмальства учили: художественное творчество – зеркало действительности, писатель – чуткий отражатель наличного, но никак не demiurge будущего. И уж, конечно, не отражатель будущих структур человеческой души.

Но теперь-то мы знаем, что настоящая литература не занимается зеркальным отражением действительности, а если и отражает, то никак уж не “объективную реальность”, но сознание писателя, его процессы, сам тип и творческий механизм этого сознания, излюбленное автором измерение этого сознания, его мифы. Реальность предстает читателю отраженной в зеркале этого сознания. Мера страсти и чувственно-пластического таланта этого “зеркала” становится мерой “правды”. Поэтому так бесконечно велика ответственность всякого, кто взял перо в руки. Главная задача истинного художника – не разглагольствование и обольщение словом, не продажа своего природного дара, но очищение своего собственного сознания, сосредоточенность на проблемах, связанных с основными жизненными устремлениями человека.

Нравственный императив творчества – не столько познание и описание того, “что существует”, и как это существующее правильно постичь – сколько понимание “что должно существовать” и как это должное утвердить.

Вернемся к Достоевскому, к его пророческим словам о возможной гибели мира.

Отчего же гибнет современный мир? От чего его надо спасать? Гибель мира начинается гибелью культуры, оформляющей жизнь в целостность в свете определенных идеалов и духовных ценностей. Закат мира и катастрофическое мироощущение, что первично? Сознание творит бытие?! Мир “заваливается”, по Л. Н. Толстому, в голове человека.

Истоком катастрофического мироощущения является утрата веры в Бога, и как следствие, утрата веры в какие бы то ни было общезначимые идеалы и ценности вообще, в какие бы то ни было абсолюты... кроме Смерти. Человек начинает воспринимать свою смерть на апокалипсический манер – как “скончание времен”, “светопреставление”, не означающее при этом перехода в иной мир и оттого тем более безысходное и жуткое; как абсолютный конец, за которым уже ничего нет: одна безмолвная пустота, небытие – Ничто. Человек с подобным мироощущением должен осознавать и чувствовать себя абсолютно потерянным и одиноким в мире, лишенным своих природно-социальных связей, душевных привязанностей, духовно-культурных традиций. Ницшеанское “Бог – умер” в устах такого человека приобретает глобальный и всеобщий смысл; утрачены все абсолюты и разрушены все связи, разрушена вера в “предустановленную гармонию”, остался лишь страх перед будущей пустотой небытия.

Феномен всеобщего страха – угрожающее явление современной культуры. В нем паразитически глубоко укоренилась целая отрасль “массового производства”, специализирующегося на извлечении “эстетического” и денежного эффекта из демонстрации ужасного и чудовищного, “брутально” насильственного и садистски жестокого – фильмы ужасов, пьесы ужасов, романы ужасов – индустрии воздействия на массовое сознание, растлевающего человеческие души, превращающего их в выжженные пустыни. Но поставщики бульварного чтива или зрелища, успешно торгующие кошмарами и ужасами, – лишь надводная часть эксплуатации айсберга Страх, “замораживающего” и “леденящего кровь”. Вполне респектабельные их собратья по перу вдохновенно наводят метафизический ужас на просвещенную читательскую публику. Литературные небожители отводят упреки в их нездоровых пристрастиях легким кивком на улицу (“пресловутую реальность”) – вот где творится настоящий кошмар, вот где происходит нечто воистину ужасное: жуткие убийства, поражающие своей полнейшей немотивированностью, молодежный вандализм и бандитизм, политический и бытовой терроризм и, наконец, ядерная угроза, как дамклов меч нависшая над человечеством. Стоит ли удивляться, что в этой апокалипсической атмосфере вполне нормальные и уравновешенные люди начинают вести себя как сумасшедшие, обнаруживая в своей душе самые невероятные патологические страхи! Да и чему тут поражаться, ведь страх восходит к извечному ужасу человека перед своей неизбежной смертью. А раз так, то почему вы требуете от нас, чтобы мы закрыли глаза на эту чудовищную реальность, заставляющую современного человека метаться подобно загнанному зверю? Сделали вид, что ее как будто не существует, а все, что о ней говорится и пишется, – всего лишь очередное “заблуждение ума”, игра большого воображения?

Аргументация довольно впечатляющая, способная смутить человека, не искусленного в психологических тонкостях. А если ей придать “левацкий уклон”, то она становится идеологически авторитетной как последовательное антикапиталистическое и антибуржуазное протестное мышление. Щедрой рукой творцы метафизического ужаса бросают в новорусскую буржуазную толпу, оглушенную, как рыба тротиловой шашкой (и глушат не только “акул”, жиреющих за счет чужой плоти, но и всю рыбу), всю правду об их тайных страхах: “Вы, погрязшие в своем “капиталистическом бытии”, глядитесь в зеркало своего собственного космического ужаса, трепещите – “Нечаев вернулся”. “И скоро наступит время разумных убийств в нашей действительности”.

Эффектно? Да. Но весьма сомнительный достигается результат, прямо противоположный искомому, точнее, прокламируемому. Благодаря подобной “революционной” активности нагнетение страха в духовной (и без того душной!) атмосфере современного общества не только не снижается, наоборот – резко возрастает. Страх, парализующий животворные истоки культуры и неизбежно подталкивающий ее к бездне перерождения в собственную противоположность (устрашающую цивилизацию с организованным культом человеческих жертвоприношений и с гнетущей атмосферой ужаса – поучительным историческим примером может служить древний Карфаген) – этот страх аккумулирует в себе все способствующее его дальнейшему укоренению и распространению – в том числе и обличительные литературные прокламации с душком панической безысходности.

Всемогущий Страх – последний абсолют, оставшийся у людей после “гибели богов” – впечатляющее начало, не правда ли, для очередного романа метафизических писателей? Но что-то в этом “впечатляющем пафосе” есть общее с пошлой однодневкой очередного поп-арт-бестселлера, погружающего своих недалеких читателей в кошмары монструозности. И те, кто рекламно-идейно обслуживают массовую индустрию фобий и метафизики “художественного ужаса”, сходятся на общем основании – торжества страха, поработившего сознание богооставленного человека.

Апелляция описателей “чернухи” к “самой жизни”, исполненной кошмаров и ужасов, весьма тенденциозна. Из множества человеческих поступков и действий всегда можно для “художественного воплощения” выбрать самые устрашающие, превосходящие своей гнусностью меру человеческого воображения, и создать “свой” мир с гипертрофированными и абсолютизированными наиболее мрачными сторонами человеческого бытия, а для пушей идейной лжезначительности придать им мистическое значение. Низкопробное бульварное “искусство” с его “ужасиками” – забавная пародия на подобное “художество”.

Увы, господа-писатели. Круг замкнулся. Можно долго и упорно доказывать самому себе и читающей публике, что стремление сравнять в своих правах Добро и Зло и представить Смерть единственным абсолютом, а беспредельный Страх перед нею истинно человеческим отношением к бытию – лишь игра “невинного” ума и чистый вымысел, не имеющий никакого соотношения с реальной жизнью и разлагающего влияния на умы. Жалкое самооправдание. Почему же читатель закрывает ваши книги с чувством смертной тоски и невыразимого отвращения к подлинной или выдуманной вами (кто как) реальности? Не уверенный в своих нравственных силах человек под влиянием подобных “метафизиков страха” теряет осмысленность жизни, нарушается его и без того неустойчивое душевное равновесие. Если вы не желаете в своей творческой свободе признавать над собой никакого Высшего суда (считаете, что все вам позволено, и можно преступить), то и на земле вам не избежать людского суда как разрушителей мира, подталкивающих его к духовной бездне. Суда людей, не желающих, чтобы в них насильно новые “богочеловеки” вселяли бесов; что стало с подобным стадом, мы знаем из евангельской притчи. Нигилизм – ницшеанство – неоницшеанство – что следующее? “Бес водит” гордые умы, “кружит”, затмевает сознание “гордость сатанинская”.

В утешение им хочется напомнить, что и Ивану Карамазову трудно было постичь, что в тайниках его гордой мысли, бросавшей вызов самому Богу, вызревала смертоносная зараза пошлой и низменной смердяковщины. Достоевский предложил единственно возможный способ самопреодоления преступной мысли – публичное покаяние. (Возможно, в наш рациональный век это для кого-то и наивно, и смешно.) И другой душеполезный совет Достоевского морально “невменяемым” писателям: “Вы потеряли различие зла и добра, потому что перестали свой народ узнавать... Слушайте, добудьте Бога трудом; вся суть в этом, или исчезнете, как подлая плесень; трудом добудьте...” (говорит Шатов Ставрогину).

Подлинный литературный труд тяжок, и плоды его подчас малы и незаметны, но благ. Если писателю удалось пробудить, хоть отчасти, в душе читателя “чувства добрые”, которые неизменно вершат свое великое дело спасения мира, – то честь ему и слава.